

Фэй так разволновалась, что готова была упасть в обморок.

Она уже в четвертый раз переживает эту деревню, возникшую из ниоткуда.

Каждый цикл так бесконечно долгод и истощающ, раз за разом наполняя ее надеждой и повергая в безнадежность, сбрасывая ее в неизбежную гибель.

Если все повторяется, и ее неудачи повторяются, то какой смысл начинать все заново?

Просто чтобы испытать еще больше неудач?

Как и Му Цзяши в предыдущей сцене, Фэй не понимала, что может покинуть эту сцену;

Она застряла в размышлениях о том, как все разрешить, не находя способа избежать этого...

Это консервативная деревня, оторванная от современного общества. Люди, живущие здесь, все еще обходятся традиционным натуральным хозяйством.

Они занимаются сельским хозяйством, добывая средства к существованию, дополняя их охотой и собирательством.

Молодое поколение деревни в основном оставило сельскую жизнь позади, приняв современный образ жизни и мышления.

Видимо, что-то в этом процессе пошло не так, поскольку в результате деревня становилась все более и более одержимой ксенофобией.

Согласно подсказкам, которые Фэй собрала за несколько циклов, скорее всего, это произошло потому, что один из детей, покинувших деревню, решил, что его родная деревня была предметом насмешек и презрения, что понизило его статус среди одноклассников, поэтому в порыве гнева он решил полностью порвать связи со своими родителями и родственниками.

С тех пор как он уехал, он больше никогда не возвращался.

Для такой консервативной и замкнутой деревни содержать ребенка, обучающегося за границей, - довольно тяжелое бремя. У них есть все необходимое в этом маленьком местечке, но когда они покидают его, то слишком трагично осознают, насколько они неспособны адаптироваться к современной жизни.

Поэтому после последнего случая с ребенком, которого они теперь называли "предателем", старейшина деревни горестно и сердито предложил всем детям остаться и больше никогда не

ходить в школу. Они жили достаточно хорошо за счет земли.

Они стали бы своей собственной Шангри-Ла.

Однако осталось еще несколько детей, которые были одного поколения с предателем и учились на улице.

В деревне решили, что если они хотят, и их родители согласны, то старейшина закроет глаза на их дальнейшую учебу, но он все равно требовал, чтобы они вернулись в деревню после окончания учебы, иначе он отречется от них.

Фэй находила ксенофобию трудной для понимания, но она относилась к этому как к сну, как к чему-то вымышленному, поэтому она не слишком задумывалась о сути того, как возникла эта мысль.

Она больше была сосредоточена на том, как разрешить свое нынешнее затруднительное положение.

Она должна была стать сокурсницей тех детей, которые учились за пределами деревни; остальные дети подали документы в один и тот же университет во время Гаокао, и во время учебы держались поближе друг к другу.

Одной из их студенток было интересно узнать об их деревенском воспитании, поэтому после окончания университета она попросила присоединиться к ним, когда они вернутся в деревню, в качестве своего рода выпускной поездки, чтобы немного познакомиться с жизнью здесь.

Дети, теперь уже взрослые, тоже сдержали свое обещание вернуться в деревню, чтобы прожить свою жизнь с родственниками и родителями.

Старейшина был доволен, а также разрешил Фэй и некоторым другим любопытным студентам приехать в гости.

Они арендовали целый минивэн, чтобы всем вместе приехать в эту изолированную деревню.

Хотя в деревне царил ксенофобия по отношению к тому, что они воспринимали как токсичное внешнее влияние, жители деревни, особенно родители детей, тепло приветствовали этих студентов, приехавших сюда, чтобы познакомиться с их образом жизни.

Поездка также прошла гладко. Они попробовали свои силы в земледелии, охоте, поиске съедобных продуктов в лесу, уходе за сельскохозяйственными животными и т.д.

Они были вполне довольны тем, что по сути было фермерской поездкой размером с деревню.

Они прекрасно провели бы время, просто общаясь со своими друзьями, знакомыми с жизнью в деревне, не говоря уже о том, что они также получали теплый прием от других жителей деревни.

Поездка должна была продлиться неделю. Первые пять дней прошли без происшествий. Однако уже на шестой день что-то изменилось.

Вернее, изменились многие особенности поездки и деревни.

Студенты, приехавшие из внешнего мира, этого просто не замечали.

Точнее, они сами тоже менялись, становясь частью опасности.

-Они, якобы, принесли безумие в эту изолированную деревню.

Как и в прошлые разы, вечером шестого дня Фэй оказалась в одиночестве. Она знала, что через некоторое время "сокурсник" ее личности придет сюда, чтобы позвать ее и принять участие в прощальной трапезе.

Ужин, к сожалению, будет банкет в Хунмэнь.

В первом цикле Фэй, не зная об опасности, отправилась прямо на пир и погибла.

Во втором случае она решила уйти из деревни напрямую, но жители догнали ее и тут же убили.

В третий раз она прижалась к земле и расспросила все, что могла, чтобы наконец понять, что происходит...

В настоящее время по этой маленькой деревне распространилось какое-то безумие. Оставшиеся здравомыслящие жители деревни пришли к выводу, что причиной распространения безумия должно быть прибытие этих чужаков.

С одобрения старейшины они решили убить предполагаемых "виновников", чтобы посмотреть, разрешится ли безумие.

Даже если Фэй теперь знала причину своей смерти, у нее все равно не было выхода.

Потому что ее "товарищи по учебе", те, кто приехал вместе с ней познакомиться с сельской жизнью, тоже, похоже, подвержены паранойе жителей деревни.

В деревне было семь детей, которые поехали в университет за городом и вернулись, прихватив с собой двенадцать своих университетских знакомых, восемь из которых теперь были на стороне сельчан, выглядели и вели себя так же безумно, как и сельчане.

Так же безумно, как и жители деревни... Насколько безумно?

Фэй вдруг осознала, что после трех циклов она так и не выяснила, что это было за безумие, охватившее эту маленькую, сонную деревню.

Размышляя об этом, мужчина вдруг спустился по лестнице со второго этажа. Она не смотрела на него и просто монотонно спросила: "Закончили отдыхать?".

Этот человек относился к тем студентам, которые не на стороне жителей деревни, но Фэй слишком устала, чтобы говорить с ним о том, как разрешить это затруднительное положение, потому что она знала, что это безрезультатно после трех циклов, а она была встревожена и раздражена.

Но тут она услышала, как мужчина приветствует ее: "Эм... привет? Ты знаешь, что здесь происходит?".

Фэй немедленно повернула голову в сторону мужчины и осмотрела его, чтобы увидеть, что его внешность совершенно другая - даже если ее разум говорил ей, что этот человек - именно тот, кого она знает, человек, которого убили вместе с ней сумасшедшие жители деревни в последние три цикла.

Даже если... его внешность полностью изменилась, превратившись в ту, которая ей смутно знакома.

Знакомое быстро ушло в сторону, так как Фэй продолжила размышлять о текущем затруднительном положении.

Кусая губы, Фэй вдруг придумала вариант, и взволнованно спросила: "Подожди, может быть, ты тоже не принадлежишь этому месту? Ты пришел сюда откуда-то извне?"

"Извне?" Мужчина казался удивленным ее вопросом, затем он спросил: "Я действительно... пришел откуда-то из другого места. Я прошел через дверь и по какой-то причине оказался здесь. Я тоже понятия не имею, что происходит".

"Дверь..." Фэй рефлекторно повторила фразу, а потом обнаружила, что вспомнила забытые воспоминания: "Да... дверь... в сером тумане... Кошмары? Серый туман, так и было, дверь в сером тумане, верно?".

Мужчина, выглядя удивленным, тоже кивнул: "Да! Это была дверь в сером тумане!".

"Понятно!" Фэй резко выдохнула и сказала: "Мы из одного места".

Как шпионы, чьи пароли совпали, они быстро познакомились друг с другом и обменялись информацией.

Му Цзяши, как подсказывала ему интуиция, пересказал ей то, с чем он столкнулся в банке.

Фэй была поражена и сказала: "Правда? Я совсем не думала об этом. Я долгое время был заперт в этой деревне и думал, что смогу как-то решить эту проблему... Значит, ты мог просто уйти?".

"Но как?" спросил ее Му Цзяши, - "Ты нашла какой-нибудь способ покинуть это место, проведя здесь столько времени?".

"Способ... уйти..." Фэй снова закусила губу и сказала: "Единственный известный мне способ - сесть на обычный автобус, идущий в уезд за той горой; мы приехали сюда на другом транспорте и планировали уехать на этом автобусе; но этот автобус отправляется каждый день только в полдень, поэтому самый ранний отправится завтра, а значит... мне придется сначала пережить ночь".

"Автобус?" Му Цзяши задумался, а потом сказал: "Это не то. Мы ищем дверь. Мы покидаем эту сцену, а не деревню".

Он повторил то, что только что сказал: "Да. Нам нужно найти дверь".

"Особую дверь?"

"Я не уверен, - Му Цзяши казался немного потерянным, когда он продолжал, - когда я хотел покинуть банк, я просто открыл дверь в него. Да, я покинул банк...".

Фэй казалась озадаченной.

Му Цзяши объяснил: "Например, эту деревню и банк, в котором я находился, мы можем назвать главной сценой. Так что, пытаясь покинуть банк, я на самом деле "покидал" основную сцену.

Но в этой сцене у нас нет времени, чтобы "уйти" из нее". Если предположить, что существует законный способ выхода, то это означает, что мы должны иметь возможность "уйти", даже не выходя за пределы главной сцены.

Поэтому нам следует искать дверь в этой сцене, которая поможет нам выбраться отсюда".

Фэй кивнула и спросила: "Дверь... что за дверь? Какие-то особые характеристики?"

Му Цзяши покачал головой, горько улыбнулся и сказал: "Трудно сказать...".

Фэй вздохнула и посмотрела на ворота маленькой резиденции, у которых они стояли, пробормотав: "Если бы только это была эта дверь".

Му Цзяши сказал: "Скорее всего, это не она. Дверь, должна быть чем-то весьма... эмблематичным? Репрезентативным? Главной сцены. Дверь, которая указывает на какую-то истину?".

"Возможно..." Фэй подумала и сказала: "Тогда нам придется узнать секрет, скрытый в этой деревне, о том, что жители называют безумием".

"Тогда давайте сделаем это, но..." Му Цзяши выглядел сомневающимся, и он спросил, "у тебя все в порядке?".

Фэй умерла уже три раза. Это было бы плохим предзнаменованием.

Фэй, была вся бледная, она сказала, "да, я в порядке..." что-то зашевелилось в ее груди, и она сказала сложным тоном, "мы должны продолжать делать то, что нам нужно было делать, с какими бы проблемами мы не столкнулись."

Му Цзяши замолчал.

В его голове на мгновение промелькнула какая-то непонятная мысль, но он не обратил на нее внимания.

Он просто подумал: да, им нужно покинуть главную сцену, иначе они могут попасть в бесконечный цикл смерти и воскрешения.

В этот момент кто-то постучал в ворота резиденции.

"О нет!" воскликнула Фэй, - "люди зовут нас на трапезу!".

Они обменивались информацией и проводили время в размышлениях, поэтому не заметили времени.

Тревожась, она обратилась к Му Цзяши: "Пойдем мы или нет, мы умрем. Как ты думаешь, нам идти или не идти?".

Сказала она, направляясь к двери.

Му Цзяши задумался и вдруг подошел к вопросу с другой стороны: "А что если сделать вид, что нас здесь нет, и не открывать дверь?".

Рука Фэй легла на ручку, но тут же отступила назад, словно металл был раскален добела, и прошептала: "Я... я не знаю. Я не пробовала".

Му Цзяши задумался, потом сказал: "Давай я открою дверь и пойду с ними на трапезу. По дороге я попробую поискать это безумие. Я скажу им, что ты пошла прогуляться и скоро вернешься".

Ты погибала уже несколько раз подряд, и у тебя психический стресс. Тебе лучше остаться, а заодно ты сможешь более тщательно обдумать полученную информацию и понять, не упустила ли ты чего-нибудь из виду".

Фэй кивнула, выглядя слегка смущенной.

Му Цзяши видел, что лицо Фэй действительно ужасно бледное, и есть шанс, что она будет непродуктивна, если будет сопровождать его в ее нынешнем состоянии. Поэтому ей лучше остаться и притвориться, что ее нет, чтобы посмотреть, к чему приведет эта новая попытка...

Независимо от того, умрет она или останется в живых, будет ценная информация, так рассуждал Му Цзяши, довольно бессердечно.

Внешне он просто улыбнулся ей и успокоил: "Все в порядке. Отдохни как следует".

Он смотрел, как Фэй возвращается в дом, прежде чем открыть ворота, и вел себя так, будто его только что разбудили ото сна, жалуясь: "Кто это? У меня был такой хороший сон...".

Снаружи стоит слегка напряженный молодой человек. Согласно тому, что сказала ему Фэй, он - Тан Мин, один из детей из этой деревни, которые пошли учиться.

Он взглянул на Му Цзяши, затем заглянул внутрь и спросил: "Где Фэй?".

Сцена, конечно, очень умная, что заменила их имена естественным образом, подумал Му Цзяши.

Он сделал вид, что тоже ошарашен, и сказал: "А? ...Ах да, перед тем, как я пошел вздремнуть, она сказала, что хочет прогуляться. Похоже, она еще не вернулась".

Он зевнул и сказал: "Может, она пошла посидеть у маленького водопада. Кто знает."

По ее словам, водопад находился неподалеку, и Му Цзяши назвал его, чтобы ввести в заблуждение жителя деревни. Это потому, что водопад находился довольно далеко от деревни, и чтобы дойти до него и вернуться обратно, нужно около часа идти пешком. Этого времени будет более чем достаточно для расследования.

Как и ожидалось, услышав это объяснение, Тан Мин выглядел немного менее взволнованным, возможно, потому что теперь он знал, где искать Фэй.

Он кивнул и сказал Му Цзяши: "Мы устроим для вас прощальный пир, раз уж вы уезжаете".

Му Цзяши сделал вид, что колеблется, и спросил "Подожди... но Фэй...?".

"За ней ходит кто-нибудь другой, не волнуйся", - сказал Тан Мин, - "только не говори мне, что ты не будешь есть без нее, а?".

Му Цзяши поспешно сказал: "Эй, мой желудок важнее".

Они вышли из дома, и Му Цзяши запер за собой дверь, на случай, если кто-то войдет и обнаружит Фэй.

Тан Мин увидел это, но поскольку Му Цзяши и вещи Фэй все еще находились в доме, ничего не заподозрил.

Он сказал Му Цзяши идти вперед к дому, на который он сначала указал, а затем ушел из поля зрения. Вероятно, он попросил кого-то пойти поискать Фэй у водопада.

Му Цзяши тоже был рад, что может пошарить без присмотра, но стоило ему немного погулять в одиночестве, как Тан Мин уже вернулся бог знает откуда и подошел к нему.

Му Цзяши понял, что по сравнению с такими чужаками, как они, эти местные жители, такие как Тан Мин, которые провели здесь большую часть своей жизни, должны знать все маленькие дороги и переулки, которыми покрыта деревня.

Это значило, что он не должен попасть в ситуацию, когда ему придется спастись от погони, подумал он.

На первый взгляд, Му Цзяши выглядел совершенно нормальным, просто спросив вскользь: "Эй, Тан Мин, почему вокруг никого нет? Где все?"

Тан Мин улыбнулся довольно неловко и ответил: "Ну, знаешь... они все заняты подготовкой прощального пир для вас, ребята".

Тогда Му Цзяши сказал нарочито непривычным тоном: "Ребята... разве люди не всегда делают приветственный пир самым грандиозным, а не прощальный, а?".

Тан Мин, выглядя слегка смущенным, но в то же время немного гордым, сказал: "Так уж у нас заведено. Мы не такие, как снаружи".

"Это правда. Я испытал это на собственном опыте всего за несколько дней, - Му Цзяши плавно перевел тему на деревню, - неудивительно, что ты все время говорил о возвращении сюда в универе. Она действительно отличается от города".

Каждое слово в его предложении - это косвенная похвала деревне, что заставило Тан Мина немедленно переключиться с неловкого смущения на гордость.

Затем Му Цзяши продолжил: "И как вовремя было поесть вместе со всеми. Я собирался спросить, могу ли я переехать жить к вам".

Тан Мин, потрясенный, спросил: "Что? Что... Почему ты так говоришь?".

"Здесь нет никакого стресса. Ты выходишь на рассвете и отдыхаешь на закате, все живут за счет земли, самодостаточно. Это совершенно отличается от жизни в городе".

Затем Му Цзяши заметил, возможно, искренним тоном: "Если бы я мог, я бы с удовольствием прожил здесь остаток своей жизни. Это лучше, чем всю жизнь работать, а потом обнаружить, что квартира стоит больше, чем все мои сбережения.

Серьезно, что это за жизнь? Если уж на то пошло, вспомните, как плохо мне сейчас приходится в поисках простой работы? Это мучительно!

Как ты думаешь, твои старейшины и мэр позволят мне жить здесь, если я попрошу об этом во время трапезы?"

Выражение лица Тан Мина подсказало, что он глубоко борется внутри.

Му Цзяши терпеливо ждал его.

Он с самого начала заметил, что этот молодой человек сильно нервничает. Он должен быть более решительным и холодным, если он в курсе плана зверского убийства своих ближайших родственников.

Его состояние было больше похоже на состояние человека, который не осмелится противостоять старшим и родственникам, но в то же время испытывает серьезные сомнения по поводу причинения вреда своему однокурснику.

Хотя, надо сказать, что между морально обанкротившимися односельчанами и однокурсниками он выбрал первых.

Но, конечно, теперь, когда Му Цзяши проявил... то, что Тан Мину показалось бы своего рода "искупительным" качеством, это сразу же перевесило его чашу весов.

В конце концов, Му Цзяши сузил глаза: Тан Мин уже не тот простой крестьянский парень, каким он был с тех пор, как покинул деревню.

Упоминание Му Цзяши о стрессах в городе вернуло Тан Мина к городскому образу жизни, в котором Му Цзяши является его более привычным спутником, нежели его кровные родственники и односельчане.

Тан Мин не мог не вспомнить о грязных, но счастливых и веселых днях, проведенных с ними, его товарищами по учебе.

Честно говоря, возвращение из оживленного и процветающего города в эту захолустную деревню, где до сих пор готовят еду на дровах, - это, наверное, не то, к чему Тан Мин сумел привыкнуть.

Му Цзяши не ожидал, что это полностью перетянет Тан Мина на свою сторону, но, по крайней мере, он должен сказать ему правду, чтобы его "товарищ по университету" не умер в неведении.

Как и думал Му Цзяши, после некоторой внутренней борьбы Тан Мин вздохнул и сказал: "Нет, не говори так".

Если бы Му Цзяши действительно сказал это старейшинам деревни, они, вероятно, немедленно взорвались бы и убили его.

Тогда Му Цзяши спросил, явно удивленный, "почему?". Он сделал паузу и спросил: "Может ли быть так, что, как и в больших городах, вам тоже нужны документы о гражданстве и все такое прочее?".

"Нет, конечно, нет", - Тан Мин потерял дар речи, и он объяснил: "Ты думаешь, у нас в этой сонной деревне будут эти документы? Здесь практически нет ни образования, ни медицины, ни каких-либо других услуг. Передача гражданства здесь практически ничего не стоит".

Му Цзяши пожал плечами и сказал: "Но земля...".

Хорошо. Мысли Тан Мина вернулись к его городской жизни.

Хотя упоминание о "земле", кажется, что-то вызвало в Тан Мине.

Поколебавшись, Тан Мин наконец объяснил: "Я серьезно... в эти дни в деревне не очень-то веселое настроение".

"Веселое настроение?" Му Цзяши продолжал прикидываться дурачком, говоря: "Я думал, что в эти несколько дней все было довольно спокойно и безмятежно".

Тан Мин закатил на него глаза.

Затем они продолжали идти в тишине некоторое время.

За холмами, несмотря на все усилия, солнце неизбежно опустилось за горизонт. После этого Тан Мин наконец открыл рот, чтобы рассказать Му Цзяши о том, что произошло.

Он сказал: "Несколько человек... сошли с ума".

"Сошли с ума?"

Тан Мин сказал: "Они... они, кажется... поклоняются какому-то "Духу земли"".

Выражение Му Цзяши немного изменилось.

"Нет, не то, о чем ты думаешь, не простое почитание природы... это не так, - горько улыбнулся Тан Мин и пояснил: - Когда я впервые услышал об этом, я тоже так подумал... Я даже сказал маме: "Да ну? В истории люди постоянно так делали"".

Му Цзяши продолжал внимательно слушать.

Тан Мин продолжил: "Оказывается, это не было чем-то вроде... обычного почитания Духа Земли с помощью благовоний и прочего, но..."

"Что это?"

"Человеческое жертвоприношение..." Тан Мин нервно огляделся вокруг, когда упомянул об этом, а затем продолжил более спокойным тоном: "Они говорят, что чужаки опозорили честь Духа Земли, они говорят, что это вы... ну, мы, занимающиеся фермерством и охотой в последнее время, не уважаете землю.

Поэтому они планируют использовать вашу... нашу кровь, чтобы умиротворить Духа Земли и заставить его смилостивиться над деревней".

Му Цзяши кивнул, погружившись в размышления.

Ах, так вот почему эти студенты должны умереть... но что-то не так.

Тан Мин явно выглядел так, будто он полностью на стороне этих безумных культистов, тогда зачем бы он привел их на роковой "пир"...

Что-то вдруг щелкнуло в голове Му Цзяши, и он спросил: "А что думают другие жители деревни?".

Тан Мин немного помолчал, но в конце концов уныло ответил: "Они считают, что именно чужаки свели с ума этих безумцев".

Му Цзяши слегка нахмурился.

Тан Мин, глядя на то, что Му Цзяши никак не реагирует, сказал почти угрожающим, но отчаянным тоном: "Если после вашей смерти ситуация не улучшится, тогда настанет наша очередь умирать".

Му Цзяши был удивлен. Значит, раз там культисты, то все они умрут, независимо от того, являются ли они уроженцами деревни?

Неудивительно, что Фэй все равно умерла, даже когда отказалась участвовать в празднике и сбежала. Должно быть, ее либо поймали жители деревни, которые винят ее в том, что она свела культистов с ума, либо ее поймали сами культисты.

Для Му Цзяши это сложная ситуация.

В деревне, помимо их однокурсников, все жители, скорее всего, враги.

Даже среди однокурсников могут быть предатели, как Тан Мин, и откровенные предатели, о которых ему рассказала Фэй.

Неважно, что их цель - побег, а этого можно достичь, если четко определить, кто союзник, а кто нет.

Он покачал головой. Чувства подсказывали ему, что ключ к разрешению ситуации лежит не на жителях деревни.

Все они - всего лишь трудности... - подумал он.

Эта мысль сразу же привела его в замешательство.

Трудности? Какие трудности"? Почему он описывает жителей деревни в такой необычной терминологии?

И всего лишь? Что смертельно опасного для их жизни можно описать с помощью этого ограничительного наречия?

Он попытался разобраться с ходом своих мыслей, но ответа у него не было. Словно серый туман заслонил его мозг. Он не мог вспомнить. Он не мог вспомнить важную и шокирующую правду, скрывающуюся за этими волнующими его вопросами.

Му Цзяши вскоре прекратил свои размышления, поняв их бесполезность.

Тогда он спросил Тан Мина: "Если все так плохо... Ты не собираешься сопротивляться?".

Тан Мин покачал головой, оглядывая холмы вдалеке расфокусированным взглядом.

Затем он пробормотал: "Нет... возможно, это то, что эта земля хочет от меня... да... я родился здесь, вырос здесь, и теперь пришло время заплатить свои долги...".

Му Цзяши не мог не бросить взгляд на своего "товарища по университету".

Отлично. Похоже, все жители деревни сошли с ума. Только они безумны в разной степени.

Он глубоко вздохнул.

Возможно, из-за этой темы их разговор резко оборвался, и всю оставшуюся дорогу до пира они не проронили ни слова. Настроение у них было самое плохое.

Примерно через три-пять минут они, наконец, прибыли к месту проведения пира - дому старейшины.

Шэнь Юньцзю и Е Лань недоуменно уставились друг на друга.

Из десяти, а теперь восьми, клеток-кошмаров перед Сюй Бэйцзином, Шэнь Юньцзю и Е Лань пережили самый обескураживающий опыт.

Сначала они двое попали в разные камеры, и то ли благодаря удаче, то ли благодаря умению, они нашли двери и избежали своей первой сцены.

Затем они столкнулись друг с другом и стали молча смотреть друг на друга.

Это происходило из-за обстановки, в которой они оказались. Они оказались на пустой площади, где собралось десятки тысяч людей в черных одеждах. Так же как и они двое.

Они сидели молча, словно в ожидании какой-то грандиозной церемонии.

Молчаливое, серьезное настроение достаточно тяжелое, чтобы выпустить воздух из легких Шэнь Юньцзю и Е Лань.

Они оказались почти лицом друг к другу, но все же есть небольшой угол, который позволял им видеть немного разные вещи.

Какое-то странное шестое чувство закралось в сознание обоих, подсказывая им, что другой человек - другой, такой же, как и они.

Они отличались от атмосферы всего этого места. Они тоже никак не могли бы вписаться в эту атмосферу.

Хотя тяжелое настроение все еще сильно душило, лишая их способности говорить.

Возможно, звук разговора нарушил бы покой. Возможно, это просто какой-то инстинкт самосохранения перед лицом опасности.

Чувства продолжали покалывать, предупреждая их не говорить, не двигаться беспорядочно.

Поэтому они сидели в тишине и ждали.

Оба они - терпеливый тип миссионера, что хорошо сочеталось с их довольно молчаливым и собранным характером.

Даже если воздух палящий, а солнечные лучи жгли их спины сквозь черные мантии, как пламя, они все равно сохраняли свои лица. Они лишь время от времени обменивались взглядами.

Будь здесь Хэ Шуцзюнь или Ву Цзянь, они бы уже давно сдались и вскрикнули от дискомфорта.

В конце концов, спустя очень-очень долгое время, настолько долгое, что даже Шэнь Юньцзю

начал дремать, внезапный грохот, доносящийся из центра площади, ударил его по голове, заставил проснуться и рефлекторно посмотреть вверх.

Что это?

Его барабанные перепонки могли разорваться... Или, вполне возможно, уже разорвались, так как обжигающая, дезориентирующая, горячая ударная волна мгновенно опрокинула его, и он взлетел далеко в небо. Он полностью замерз.

Какой... незабываемый опыт.

Вскоре после этого он умер.

Как будто что-то превратилось в пыль, растворилось в воздухе... это трудно передать словами.

Шэнь Юньцзю не мог описать этот опыт. Он просто обнаружил, что его сознание словно отключилось.

У него даже не осталось четкого ощущения, что он мертв.

Его просто, буквально, стерли из этого мира. Химические, физические изменения, и он бесцеремонно превратился в кучу кашицы, а затем... темнота.

Когда все возобновилось, Шэнь Юньцзю все еще задавался вопросом, действительно ли он пережил все это.

Может быть, это был просто ложный сон, который он видел во время провала в сознание? Так и должно быть. Это было совсем не похоже на реальность...

Однако, когда он поднял голову и увидел, что на противоположном от его места сидения месте лицо Е Лань выглядит бледным, как у привидения, он понял, что нет. Это был не сон. Это была реальность. Это было то, что они пережили. Это была... смерть.

Он посмотрел на Е Лань, на мгновение застыв в оцепенении, а затем одновременно с ней подпрыгнул в воздух. Не обращая внимания на все ругательства и проклятия, раздающиеся из соседних рядов, они отчаянно пытались прорваться через все препятствия, чтобы спастись.

Это был определенно не лучший опыт - расплавиться на сильной жаре.

Даже если это произошло так быстро, настолько быстро, что мозг Шэнь Юньцзю даже не успел понять, что произошло перед смертью, но... какой кошмар.

Они сбежали без дальнейших происшествий, и Шэнь Юньцзю снова подумал о том же.

Как можно дальше от площади. Инстинкт выживания гнал их шаткие ноги вперед, чтобы оставить ужасающий опыт позади, пока... Е Лань вдруг не сказала: "Стой...".

Шэнь Юньцзю так и сделал, а потом устало вздохнул и сказал: "Бегство ни к чему хорошему не приведет".

Е Лань оглянулась на площадь, где сидели люди в черных одеждах, упакованные, как сардины. Они уже по крайней мере в трех-четыре сотнях метров от нее.

Но это бесполезно. Они оказались в самом центре какой-то катастрофы. Это небольшое расстояние ничего не даст.

Е Лань повернулась к Шэнь Юньцзю и спокойно спросила: "Сколько у нас времени?".

"Полчаса... или 40 минут, возможно", - ответил Шэнь Юньцзю, - "я не могу вспомнить точно".

"У меня примерно такая же оценка", - кивнула Е Лань, - "проблема в том, что нам нужно найти дверь... дверь, чтобы мы могли уйти".

Шэнь Юньцзю тихо добавил: "Да. Именно так я и сбежал раньше".

Они посмотрели друг на друга, затем одновременно задались вопросом: "Но где же дверь?".

Это площадь, возможно, что-то вроде центрального парка города, окруженная пустым пространством и зеленью, хотя большая ее часть здесь завяла.

Но где же тогда может быть дверь? Это место совершенно пустое. Здесь нет ни одного здания.

Е Лань на мгновение задумалась, а потом сказала: "Может, нам стоит продолжить путь?".

Шэнь Юньцзю кивнул в знак согласия.

Неважно, секрет и правда, скорее всего, скрыты в окружающем пейзаже, будь то информация о людях в черных одеждах или... дверь.

Когда Шэнь Юньцзю и Е Лань огляделись вокруг, они обнаружили, что на зрелище смотрят сторонние наблюдатели.

Может быть, они любопытствуют, просто присоединяясь к толпе, а может быть, они потенциальные участники, но внутри у них все еще конфликт по разным причинам.

Двое из них посмотрели друг на друга и быстро направились к каждому из зрителей, чтобы спросить об этом месте.

Через несколько минут они снова объединились в группу и обменялись информацией.

"Культ нечистот", - сказал Шэнь Юньцзю тяжелым тоном, - "похоже, они... ждут какого-то чуда?".

"Дождь адского пламени".

Рефлекторно ответила Е Лань. Она была ошеломлена ответом, потому что не знала, почему знает эту фразу и почему произносит ее в этот момент.

Она попыталась придумать, почему она могла произнести это слово... Может быть, катастрофа, через которую они прошли, была адским дождем?

Но почему она должна знать? Почему она знает?

Это нелепо, но когда шок прошел, она застыла на секунду, прежде чем вернуться в нормальное состояние, и пробормотала: "Может ли это... быть связано с нашими пропавшими воспоминаниями?".

Шэнь Юньцзю добавил: "Это было похоже на дежа вю в определенный момент времени?". Затем он замолчал, а потом пояснил: "Не знаю, почему я так сказал, но мне кажется, что это правильный способ описать это явление. Это почти как... Я прошел через что-то, что использовало дежа вю".

Он явно был озадачен этим, озадачен потому, что одновременно находит это обескураживающим и в то же время совершенно нормальным. Серый туман затуманил только его воспоминания, но не его инстинкты и чувства. Его разум считал, что это нормально, и он должен это знать.

Он просто забыл; точнее, что-то перекрыло доступ к его глазам, к его мозгу, поэтому он не видел, поэтому не помнил.

Шэнь Юньцзю считал, что его мысли немного отклонились от темы, но затем он покачал головой, сказав: "Все это в стороне", - подчеркнул он, - "у нас еще есть полчаса".

"Дождь адского пламени..." Е Лань повторила фразу довольно медленно, "если катастрофа

оправдает свое довольно зловещее название, то спасения, скорее всего, не будет".

Шэнь Юньцзю попытался подвести итог: "Итак, эти верующие культа нечистот ждут здесь прихода адского дождя.

Они погибнут в катастрофе, а затем сразу же возродиться, повторяя опыт в течение вечности... это абсолютно кошмарно".

"Мы должны постараться уйти как можно скорее".

Шэнь Юньцзю кивнул в знак согласия.

Какое-то чувство опасности также подтолкнуло его.

Он подумал и сказал: "Насчет двери... человек, которого я спрашивал, сказал, что отсюда есть улицы дальше, и я уверен, что там есть двери".

"Но это не относится к тому, что происходит здесь", - быстро и спокойно ответила Е Лань, - "дверь, которая позволила мне покинуть предыдущую сцену, была напрямую связана с инцидентом внутри этой сцены".

Шэнь Юньцзю, посмотрев на центр площади, пробормотал: "Но здесь нет никаких дверей".

Е Лань нахмурилась, выглядя нерешительной. Она на мгновение задумалась и сказала: "Может быть... двери физически не существует?".

"То есть что-то лишь поверхностно или метафорически служит дверью? Например, проход? Или простая дорога?" спросил Шэнь Юньцзю: "Вы можете придумать что-то подобное?".

Е Лань посмотрела прямо в центр площади.

Бесчисленные люди в черных одеждах сидели там, похожие на муравьев под голубым небом, и они, конечно же, примерно одинаково уязвимы, если учесть, как легко падающая с неба штука пожнет их жизни.

Затем Е Лань сузила глаза и пробормотала: "Проход?".

Она вытянула пальцы и положила его перед собой. Она внимательно следила за тем, как кончики ее пальцев изображают то, что выглядело как гигантский объект, падающий с великих небес вниз, на середину площади.

Медленным, растерянным тоном она спросила: "Дорога?".

Шэнь Юньцзю увидел, что она делает, и задумался, нерешительно спрашивая: "Ты говоришь о... следе того, что упало? Его пути?"

"Путь, соединяющий землю с небесами, - ответила Е Лань, - как дверь, которая не является дверью".

Шэнь Юньцзю проглотил довольно необычный характер этого предложения. Нервничая и, возможно, выходя немного побежденным, он кротко ответил: "Это прямо в центре дождя адского пламени", но через мгновение твердо сказал: "Тогда пойдём...".

Е Лань в свою очередь удивилась этому.

"У нас нет другого выбора, - сухо сказал Шэнь Юньцзю, - придется идти и пробовать. Чтобы добраться до него сейчас, нам понадобится почти все оставшееся время".

Е Лань хотела сказать, что это всего лишь искра, плод жарких мечтаний. Оглянитесь вокруг на это пустое место без каких-либо признаков дверей. Ничего не поделаешь, ее мысли сильно разошлись с реальностью.

Но опять же, они называли их "дверями", а на самом деле им нужен выход.

Путь... Может ли след того, что падает вниз, считаться путем?

Она просто интуитивно размышляла, исходя из лексического определения слов, которые они используют.

Она даже не ожидала, что Шэнь Юньцзю возьмется за эту идею.

Не то чтобы у них были какие-то другие варианты.

Шэнь Юньцзю не мог придумать других вариантов, поэтому он решил опробовать предложение Е Лань. Даже если они умрут, то смогут что-то понять.

Повернувшись, они вернулись к месту, где собрались мужчины и женщины в халатах.

Возможно, они были довольны тем, что "одумались", культисты не возражали против того, чтобы они "перепрыгнули через очередь" к центру.

Спустя более двадцати минут они, наконец, достигли небольшой пустой зоны в центре

площади, площадью в лучшем случае около трех метров в квадрате, круглой и заполненной культистами по периметру и снаружи.

Шэнь Юньцзю вздохнул с облегчением. Он бы сбросил тяжелый халат, если бы мог, но жара уже достала его.

Задыхаясь, он спокойно смотрел на небо. То же самое сделала и Е Лань. Они ждали появления объекта.

Через семь или восемь минут послышалось какое-то странное жужжание. Он по-прежнему тихий, но тон его резкий. Как будто кто-то превратил воздух в гитарные струны, а ветер - в пальцы, исполняя какое-то зверское музыкальное произведение.

Музыка постепенно усиливалась.

Шэнь Юньцзю услышал, как Е Лань быстро говорит: "Эта штука... падает!".

Он сузила глаза, чтобы немедленно начать поиски, но затем поняла, что ему даже не нужно этого делать. Объект уже здесь, прямо перед его глазами. Сейчас он находился на расстоянии чуть меньше ста метров, и все еще продолжал быстро расширяться в его глазах.

Это овальный объект, возможно, десяти метров в диаметре в самом широком месте. Его поверхность гладко покрыта каким-то гладким металлическим покрытием.

Гладкость закончилась на краях, которые довольно грубые и, похоже, имели какие-то странные символы, вырезанные на них.

Что же это такое?

Шэнь Юньцзю хотел бы присмотреться повнимательнее, но у них не было времени. Объект уже вышел на связь. Небо потемнело. Воздух выталкивался с огромной силой.

Но в тот самый момент, когда объект должен был ударить их по голове, всплеск серого тумана заглушил удар;

Туман закрыл солнце, закрыл объект, закрыл всех безумных людей в черных одеждах.

В тумане показался силуэт двери.

Е Лань воскликнула: "Мы были правы!".

Шэнь Юньцзю вздохнул с облегчением и сказал: "Благодаря твоему воображению".

Е Лань слегка улыбнулась, и они вместе направились к двери.

Когда они открыли глаза, то, к своему шоку, обнаружили, что это место - выглядит странно?

<http://bllate.org/book/16079/1438348>